

С.П. Бычков

Дворовые Ростовых

На образах Ростовых несомненно лежит печать идеализации Толстым «добрых» нравов патриархальной помещичьей старины. Крепостное право, составлявшее основу благополучия дворянской жизни, не получило в «Войне и мире» всестороннего освещения.

В этой связи представляется многозначительным эпизод в «большой гостиной» дома Ростовых (3, 3, XII). После отъезда господ там оказались дворник Игнат, любовавшийся собой в большом зеркале, и казачок Мишка, игравший на клавикордах. Какая выразительная сцена! Уехали господа, и хотя они добрые, но — господа, и на свободе у крепостных слуг сразу же выбились наружу сдерживаемые и подавляемые желания. Мишка сел за клавикорды; возможно, что из него мог выйти одаренный музыкант, но «добрые» Ростовы его не обучали музыке; Игнат просто зашел в гостиную, где он никогда не бывал, и, удивленный, остановился впервые в жизни перед большим зеркалом, рассматривая себя во весь рост. Скромные желания, но сколько в них характерного, типического для психологии крепостного, забитого и замордованного до крайности. Но и это продолжалось для них недолго. Верная раба господ Мавра Кузьминишна, стоявшая по крепостной холопской иерархии куда выше Игната, лишила их невинного удовольствия. Закрыв клавикорды, она вздохнула. О чем она могла вздохнуть? О том ли, что и она когда-то в юности, как Мишка, интересовалась клавикордами, или о том, что уехали господа и вся жизнь пошла кувырком, но скорее всего — о своей одинокой жизни без семьи, без детей, и тогда становится понятным и «неожиданный прилив материнской нежности», возникший у нее при встрече с неизвестным ей племянником Ростова. Так и у «добрых» господ калечилась жизнь крепостных.